

**КТО НЕ С НАМИ, ТОТ ПРОТИВ НАС!
1918-1920 ГОДЫ**

ВЛАДИМИР ШИГИН

Владимир Виленович Шигин
Кто не с нами, тот против
нас! 1918-1920 годы
Серия «Матросские мятежи»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64069532
Кто не с нами, тот против нас!: Горизонт; Москва; 2021

Аннотация

Новая книга известного российского писателя-мариниста «Кто не с нами, тот против нас! 1918-1920 годы» из серии «матросская революция» полностью отменяет один из самых устоявшихся стереотипов о Гражданской войне – о безусловной преданности большевикам и Советской власти революционных матросов. Оказывается, что в реальности все было далеко не так. На всем протяжении Гражданской войны матросы не просто выказывали свое недовольство большевиками, а открыто и с оружием выступали против них. Одной из раскрытых В. Шигиным тайн, является тайна гибели 26 бакинских комиссаров. Автор впервые доказал активное участие в печальной судьбе комиссары матросов Каспийской флотилии, действия которых, во много м и предопределило их участь. Именно матросы сыграли решающую роль в знаменитом мятеже левых эсеров в Москве в июле 1918 года. Это было их

местью за предательство большевиков российским и матросским интересам и уничтожение в Новороссийске Черноморского флота. Впервые в н книге В. Шигин и поднял такую закрытую, до настоящего времени. Тему, как участие революционных матросов в боях на стороне белогвардейцев. Оказывается, было и такое! Настоящим откровением для читателей станет глава, посвященная матросам-атаманам. Оказывается, что большинство во атаманов Гражданской войны носили тельняшки! Это во многом определяло их отношения между собой, да и с большевиками. Приоткрывает В. Шигин и истории с вооруженными матросскими мятежами 1919 года. Это, прежде всего, мятеж на форте «Красная Горка», и совершенно неизвестные мятежи в Николаеве и на Днепровской флотилии. Отдельная история – это почти детективное расследование В. Шигина истории перерождения матросачекиста Федора Силаева в глубоко верующего человека и его последующая повстанческая антибольшевистская деятельность. Впервые Владимир Шигин поднял и совершенно закрытую тему, как преднамеренное уничтожение Львом Троцким весной 1920 года самых активных революционных матросов, собранных в т.н. Морскую экспедиционную дивизию, которая была целенаправленно брошена на полное уничтожение. Гражданская война заканчивалась, и матросы, с их откровенно левыми взглядами, были Советской власти уже не нужны... Обо всем этом, как и о многом другом, вы узнаете, прочитав новую книгу известного российского писателя-мариниста Владимира Шигина.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Владимир Шигин

Кто не с нами, тот против нас! 1918–1920 годы

Предисловие

Как известно, наиболее близкой революционным матросам Балтики революционной партией к осени 1917 года стали большевики. Матросские симпатии (по мере изменения отношения к войне) постепенно переходили от эсеров к ним, а после краха корниловщины большевистское влияние стало преобладающим, сначала в Кронштадте и, в целом, на Балтийском флоте, а после Октября на Черноморском флоте и на флотилиях. Деятельность малочисленных большевистских флотских организаций из общих с меньшевиками социал-демократических организаций стали выделяться в самостоятельные. Произошло это, главным образом, вследствие изменения отношения матросов к революционному оборончеству и оправдания ходом событий прогноза «апрельских тезисов» В. И. Ленина о «втором этапе революции». При этом кронштадтцы, шедшие в авангарде данного процесса,

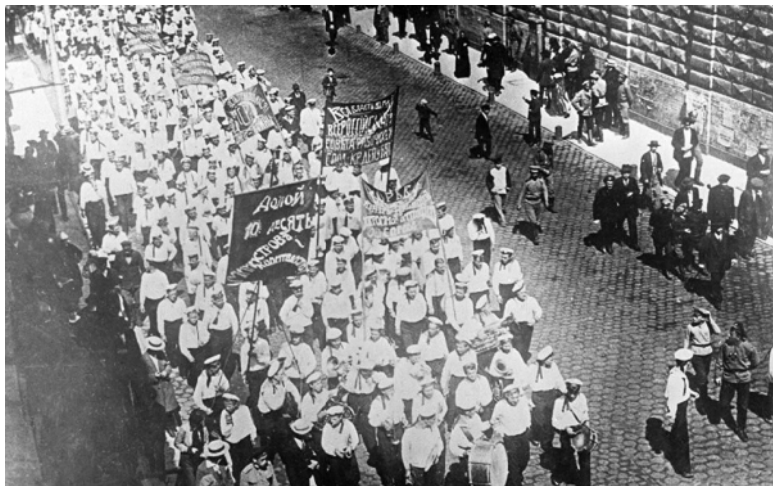
вовсе не считали, что они «большевизировались», хотя об этом много писала пресса, в том числе и о том, что В. И. Ленин после июльских событий скрывался не в Финляндии, а в Кронштадте. Сами кронштадтцы мало считались с авторитетами, включая В. И. Ленина, вырабатывая свою собственную политику. Курс на «второй этап» революции, как известно, был воспринят политической элитой в качестве призыва к гражданской войне и поэтому все действия большевиков по осуществлению этого курса выглядели в ее глазах левозэкстремистскими.

Курс на второй этап революции (сначала в виде лозунга мирного перехода власти к Советам) был поддержан народными массами не столько как «левый», как желание приблизить социализм, сколько как правый – навести (даже, быть может, неосознанно – восстановить) порядок, порушенный при существовавшей власти. Большевики в 1917 году были известны не только, как сторонники социализма «левого», а как – «государственного». Для убеждения масс в «правизне» большевиков постарались немало и сами «соглашатели», обвиняя их (пусть даже не без основания) в связях с кайзером, с царской охранкой и т. п. Обыватели Петрограда накануне Октября, случалось, приравнивали большевиков даже к монархистам. В своих тезисах, в левой обстановке апреля 1917 года, В. И. Ленин тем не менее, как известно, обосновывал курс на мирное развитие революции и подчеркивал, что «введение» социализма не является непосредственной

задачей. Через несколько лет он уже отзывался о тезисах в смысле призыва к «осторожности и терпению».

Другое, связанное с первым обстоятельство – вопрос о войне. Солдаты были за революцию ради мира, а не за мир ради революции. И потому «пораженческая» позиция большевиков, ведущая к миру, выглядела для них правой в сравнении с весенними призывами меньшевиков и эсеров к войне «в защиту революции». Отсюда большевики не получали поддержки в период господства настроений «оборончества» в значительной степени как недостаточно левые. Особенно это касалось радикально настроенных матросов. До февральской революции и весь период двоевластия, как отмечалось на VI-м съезде большевиков, матросы неохотно шли к ним, считая их «оппортунистами». После того, как большевики провозгласили курс на «второй этап» у них всё меньше было необходимости завлекать массы «левизной». На это работали сам их стратегический курс и ход событий. Наоборот, они вынуждены были больше других открещиваться от подозрений в «левизне». А в текущей деятельности большевики должны были заботиться и заботились о том, чтобы разного рода левые провокации не сорвали главный курс. Т. е. большевики скорее не вели «борьбу за массы» в 1917 году, как это можно представлять было из учебников Истории КПСС советского периода, а, быть может, вели «борьбу с массами», с их левацким настроением и это обеспечило у них им поддержку и победу в конечном счете. Здесь сыграло свою роль

и то, что вообще, приступая к созданию партии, Ленин стремился идти «другим путем», имея ввиду терроризм народников. И «большевизм воспринял при своем возникновении в 1903 году традицию беспощадной борьбы с мелкобуржуазной, полуанархической (или способной заигрывать с анархизмом) революционностью».

Демонстрация революционных моряков в Петрограде.
4 июля 1917

Однако об общем левом курсе большевиков в силу его больших последствий для истории спорили и ещё долго будут спорить историки в зависимости от ее новых поворотов, от новых революций и т. п. Так, с позиций современ-

ности следует очевидно считать левоэкстремистским спокойствие большевиков к обострению социальных страстей как к закономерной классовой борьбе, на что обращали внимание еще современники-сторонники Октябрьской революции. Это способствовало в дальнейшем развязыванию «красного террора», хотя и он был в значительной степени трагически объективен. Но если в целом, общий левый курс большевиков следует считать исторически оправданным, то малейшие отклонения влево на этом левом курсе должны приводить и приводили к особенно тяжёлым последствиям. Ленин писал в «Детской болезни „левизны“» о подобных случаях, что стоит сделать маленький шаг дальше – казалось бы, шаг в том же направлении – и истина превратится в ошибку. Политическое движение наполняется новым содержанием – со знаком «минус». В годы гражданской войны в большевизме имел место целый ряд более левых течений: «левые коммунисты», «военная оппозиция», анархо-синдикалисты, троцкисты и др. Из них, пожалуй, наибольшую опасность представлял троцкизм с приоритетом мировой революции и ее экспорта. Он менее других имел народное происхождение, а, следовательно, больше других был склонен утверждаться насильем. На флоте имелась дополнительная почва (в виде кораблей, интернациональных связей и др.) для популярности идей экспорта революции и матросы оставили здесь заметный след. Здесь сказалось то, что до Октября Троцкий больше всего любил бывать в Крон-

штадте.

Формирование матросского отряда

Немало левых ошибок допускали большевики, когда твердый стратегический курс у них еще отсутствовал или, когда особенно крутым ходом событий он ставился под сомнение. Так, они, как и другие партии, сразу после бурных февральских событий на флоте обратили самое пристальное внимание на усиление своего влияния в матросских массах. И также стремилась это сделать по возможности левыми лозунгами. Первый же приезд делегатов большевистского центра (каковым являлся первое время Выборгский комитет) полу-

чил примечательный резонанс на заседании исполкома Петроградского Совета 4 марта с точки зрения симпатий к радикально настроенным матросам. Представители армии Кронштадта заявили, что «положение там очень серьезное благодаря столкновениям между матросами и сухопутными войсками» и особо подчеркнули, что приехавшие большевистские делегаты, «критиковавшие Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов, еще сильнее обострили положение». Но в своем дебюте в Кронштадте большевики оказались «левыми» скорее всего не заслужено. Просто они попали в момент, когда Кронштадт «протрезвел» и его качнуло вправо. Перехватившие (на время) инициативу у матросов солдаты искали подстрекателей. В целях усиления своего влияния среди матросов большевики считали само собой разумеющимся допускать левые эксцессы в матросской среде, чтобы стравливать между собой своих политических конкурентов. Но, конечно, главная

Вопреки многочисленной советской литературе о революционном флоте, в процессе сближения матросов и большевиков долгое время мощную политическую силу представляли именно матросы, с которой большевики явно заигрывали. Таким положение представлялось ещё в начале 1918 года. По сути это было результатом левого экстремизма как у большевиков, так и у матросов.

Точка соприкосновения и большевиков и матросов с левым экстремизмом заключалась в их общей ответственно-

сти за него, как основных субъектов революции 1917 года и гражданской войны. Поэтому у жертв этих трагических лет можно встретить соответствующее мнение о них. Вот отрывок одного из сочинений детей эмигрантов, написанных в 1923-24 годах: «...Большую частью большевиков являются матросы, и потому вид их вполне матросский. Главное в их костюме составляет вооружение, которое состоит из ножа, ружья, пары бомб и перекинутых через плечи пары пулеметных лент. Вполне понятно, что впечатление, которое произвели на меня большевики, было для них нелестное. Выражаясь кратче, они мне напоминали бандитов низшего качества на большой дороге...»

Да, матросы и большевики все больше сближались. Причем, в процессе их сближения долгое время главную мощную политическую силу представляли именно матросы, с которой большевики явно заигрывали. Таким положение представлялось еще в начале 1918 года. Но слияния большевиков и матросов, как может сложиться впечатление из многочисленной литературы советского периода об их отношениях, конечно не произошло. Вот, что записала 7 января 1918 года в своем дневнике другой широко известный недоброжелатель большевиков писательница Зинаида Гиппиус: «Надо утвердить, что сейчас никаких большевиков, кроме действующей кучки воротил, – нет. Матросы уж не большевики ли? Как бы ни так! Озверевшие, с кровавыми глазами и матерным ругательством – мужики, „здраву которых не ставят

препятствий“, а его поощряют. Где ндраву разгуляться – туда они и прут. Пока – ими никто не владеет. Но ими непременно завладеет, и только „хитрая сила“. Если этой „хитрой силой“ окажутся большевики – тем хуже».

«Хитрая сила» – большевики, оказавшись в значительной степени общенациональной силой, в той же степени «завладели» и матросами. Но там, где у большевиков имело место расхождение с общенациональными интересами, им приходилось сталкиваться и с матросским «ндравом». Серьезные антибольшевистские выступления матросов имели место во время Гражданской войны под различными флагами: под анархистским – в январе 1918 года в Петрограде и в марте 1919 года в Николаеве, под левоэсеровским флагом – в июле 1918 года в Москве и в октябре 1918 года в Петрограде, под эсеровско-белогвардейским – в июне 1919 года на фортах Красная Горка и Серая лошадь и, наконец, под демократическим красным флагом Октябрьской революции в марте 1921 года в Кронштадте. К сожалению, в ходе этих и других столкновений имели место случаи уничтожения не только матросской оппозиции, но и флота, как общенационального института. Флот, как известно, в советские годы пришлось, по сути, воссоздавать заново. Это так же было результатом проявлений левого экстремизма, как у большевиков, так и у матросов.

В годы революции и Гражданской войны большевики не преобладали численно, но все эти организации – одни рань-

ше, как Кронштадтский Совет, другие позже, как Ревельский Совет, стали принимать большевистские решения. Руководитель фракции большевиков Кронштадтского Совета И. П. Флеровский отмечал: «В том-то и заключалось своеобразии кронштадтской политической обстановки, что не большевистский по своему составу Совет вынужден был, с редкими отклонениями, проводить большевистскую политику».

* * *

К осени 1918 года недовольство матросами, как Советской властью вообще, так и отношением к ним (матросам), со стороны большевиков, серьезно возросло. Матросы не могли не чувствовать, что былой идиллии в отношениях между РКП(б) и ними, какой она была в период октябрьской революции и в первые месяцы после него уже никогда не будет. Дело в том, что большевики все больше и больше дистанцировались от своих старых союзников, делая все, чтобы низвести революционных матросов до уровня красноармейцев. Это матросов возмущало. Они считали себя такими же творцами Октябрьской социалистической революции, как и большевики. Заметим, что в данном случае претензии матросы были вполне обоснованными. Без десяти тысяч кронштадтских матросов, без кораблей Балтийского флота большевикам никогда бы не удалось свергнуть Временное пра-

вительство и взять власть в Петрограде. Но большевики желали руководить единолично. Первой их жертвой стали бывшие союзники левые эсеры, от которых они достаточно быстро избавились. Следом наступила очередь матросов. Именно для того, чтобы максимально отдалить от себя вездесущих и нахрапистых «альбатросов революции» В. И. Ленин вместе со всем Совнаркомом тайно бежал из Петрограда в Москву. Именно поэтому он изгнал матросов из своей личной охраны, окружив себя купленными за золото латышскими стрелками. Матросов с удовольствием рассылали воевать по всем фронтам, но весьма нетерпимо относились к их пребыванию в Москве и Петрограде. Что же касается самих матросов, то недовольство большевиками стало проявлять очень скоро, чуть ли не на следующий день после взятия Зимнего дворца. Первым серьезным раздражителем для революционных матросов стал, заключенный 3 марта 1918 года правительством В. И. Ленина позорный Брестский мир. Удивительно, но активно выступавшие до октября 1917 года против продолжения войны с Германией матросы, после социалистической революции, переменили свое мнение. Став яростными оборонцами, они требовали неперемennого продолжения войны, которая, по их мнению, теперь является справедливой, т. к. стала войной пролетариев против империалистов. Существовавшее равноправное партнерство между партией большевиков и революционными матросами в начале 1918 года, к середине лета сошло на «нет». При этом, если боль-

шевики к этому времени значительно укрепили свою власть и авторитет, то матросы, наоборот все это растеряли. Все их мечты о внепартийной революционной матросской диктатуре рассыпались в прах. Этому способствовали, как объективные, так и субъективные причины. Прежде всего, у революционных матросов никогда не было никакой конкретной политической программы, как не было грамотных и авторитетных вождей. Кроме этого, излишняя демократичность, зачастую переходящая в демагогию, лишала их возможности быстро и правильно принимать политические решения, оперативно реагировать на меняющуюся обстановку. Поэтому реальной возможности для управления Россией у матросов просто не было. Не было среди матросов, по объективным причинам, и единства, в результате чего отдельные вспышки их недовольства достаточно легко подавлялись большевиками.

Утрата политических позиций революционными матросами происходила постепенно. Так, в начале 1918 года матросы были, как никогда близки к установлению собственной диктатуры. Они самостоятельно, не оглядываясь на большевиков, творили свою собственную революцию – учреждали свои независимые органы власти, громили контрреволюционного генерала Краснова, казнили Верховного Главнокомандующего Духонина и не понравившихся им министров-капиталистов, разгоняли Учредительное собрание и устраивали собственный матросский террор по городам и ве-

сям. Но затем ситуация стала меняться. Перенос большевиками столицы из Петрограда в Москву сразу же лишил матросов реального влияния на большевистское руководство. А последовавшее затем заключение Брестского мира, бегство Балтийского флота из Гельсингфорса и самоуничтожение Черноморского флота в Новороссийске отдалило матросов от большевиков не только идейно, но и морально. Кроме этого, с утратой военно-морским флотом своей роли, как важнейшего военно-стратегического объединения, автоматически уменьшалась заинтересованность власти и в самих матросах.

Это случилось, прежде всего, с черноморцами, которые, после уничтожения Черноморского флота в Новороссийске ушли в рассеяние. Немногим лучшим оказалось и положение их коллег-балтийцев, наглухо запертых в Кронштадте. Попытавшийся было провозгласить и возглавить матросскую диктатуру П. Е. Дыбенко, потерпел полный крах и вынужден был спасаться бегством. Закончилась провалом аналогичная попытка возглавить морскую диктатуру Балтийского флота и у А. М. Щастного.

К дальнейшему падению реального политического веса матросов и их лидеров привела и ликвидация самостоятельных матросских отрядов в апреле-июле 1918 года, а отчаянные попытки вооруженных выступлений против большевиков, как вместе с левыми эсерами в Москве, так и самостоятельно, в лице Минной дивизии Балтфлота, так же завер-

шились неудачей. Отдельные герои еще продолжали биться за свои революционные идеалы и совершать подвиги, но они были обречены.

В целом, мятежная борьба революционных матросов против гегемонии большевиков, против их «похабного Брестского мира», носила исключительно леворадикальный характер. В определенной мере именно это и подтолкнуло большевиков к установлению жесткой однопартийной системы и к расширению «красного террора».

Что касается самих матросов, то события лета 1918 года, помимо всего прочего, ускорили и углубили раскол и разобщенность в их собственной среде. Отныне былого единого матросского революционного братства больше не существовало. Если ранее матросская солидарность превалировала над всеми остальными взаимоотношениями, то теперь зачастую у матросов-большевиков, матросов-эсеров и матросов-анархистов не стало уже ничего общего, и они были готовы к расправе над своими недавними сотоварищами в угоду партийным интересам. Увы, но политические предпочтения не оставили камня на камне от еще недавнего матросского единства. К середине 1918 года мечты матросов о собственной диктатуре окончательно утратили реальность. Отныне с ними, как с единой мощной политической и военной силой, большевики уже могли не считаться. Так и не состоявшаяся «Матросская диктатура» стремительно уходила в небытие. Но революционные матросы оставались револю-

ционными матросами. Не сумев учредить собственную диктатуру, они ринулись в самое пекло разгоравшейся Гражданской войны. И по городам и весям России покатилося кровавое «матросское яблочко»...

Глава первая

Матросская диктатура Центрокаспия

Если октябрьское восстание в Петрограде и приход к власти большевиков на Балтике и Черном море был встречен матросами с восторгом, то на Каспии к победе большевиков отнеслись скорее нейтрально, чем положительно. Большевизм в Баку, в отличие от других промышленных центров России, не был особенно популярен даже среди рабочих. Обстановка в Закавказье и на Каспии в этот период была весьма сложной. Если Бакинскому Совету все же удалось взять в городе власть в свои руки, то в остальной части Азербайджана, в Грузии и Армении никакой советской власти не было и в помине. Повсюду в Закавказье подняли голову буржуазные националисты. Что касается продолжавших воевать между собой турок и англичан, то и тех, и других привлекала бакинская нефть. После развала русской Кавказской армии, битые ею турки быстро пришли в себя и, встречая лишь небольшое сопротивление, развернули наступление на Баку.

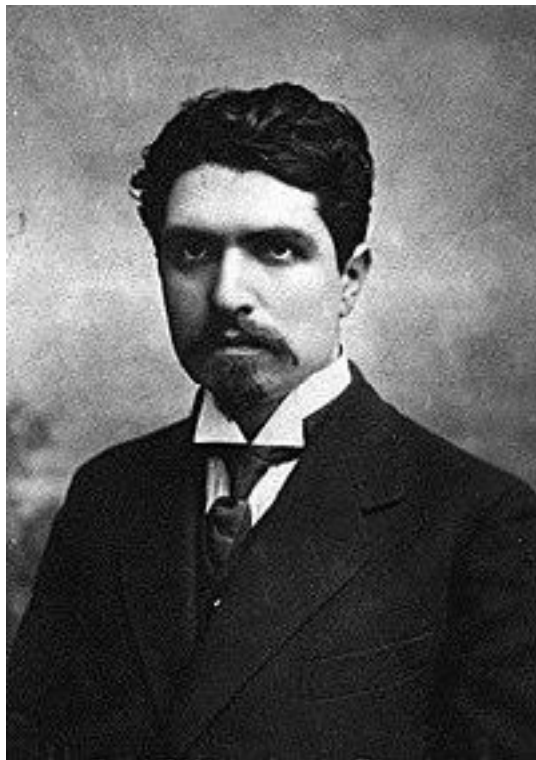
Бакинский рейд

В 1917 году Каспийская флотилия включала в себя Бакинский порт, школу морской авиации и Астрабадскую морскую станцию, а также отряд кораблей: канонерские лодки «Карс» и «Ардаган», посыльное судно «Геок-Тепе», портовое судно «Красноводск» и транспорты «Аркас» и «Генерал Куропаткин». Руководящим органом флотилии с Февральской революции являлся Центральный комитет Каспийской флотилии (Центрокаспий) – избираемый матросами. Никаких насильственных действий по отношению к офицерам на Каспии не было. По всей видимости, сказалась отдаленность от основ-

ных флотов, где щедро лилась офицерская кровь и малочисленность флотилии, на которой все хорошо знали друг друга.

Историк М. А. Елизаров пишет: «Хотя удельный вес моряков в этом важнейшем регионе был небольшой – основными частями были сама флотилия из двух канонерских лодок с несколькими более мелкими судами и школа морской авиации с матросской командой, – но именно здесь революционаризм матросов дошёл до прямого взятия власти в виде „Диктатуры Центрокаспия“, или как её ещё называли в Баку „Диктатуры пролетариата Центрокаспия“ (состоявшей из трех морских офицеров и двух матросов). Произошло это очевидно потому, что здесь революция пробудила самые различные интересы, особенно национальные армяно-азербайджанские, но при этом она долго оставалась их общим знаменателем. Влияния же матросов на местную жизнь хватило на то, чтобы и здесь остаться символом революции. До революции матросы-каспийцы в отличие от балтийцев не испытывали такого повседневного унижения, а были среди местного населения (значительная часть которого занималась мелкой торговлей) „уважаемыми людьми“. Во время войны каспийские корабли обеспечивали постоянные перевозки в Персию, и матросы имели возможность заниматься выгодной контрабандой. Поэтому в 1918 г. многие из них имели свои двухэтажные дома и ночевали на берегу. В то же время неотделимость интересов матросов от интересов революции не подвергалась сомнению».

Октябрьское восстание 1917 года в Петрограде, как и в других местах, способствовало дальнейшей радикализации каспийских матросов. Первым делом они изгнали командуящего флотилией контр-адмирала Е. В. Ключфеля. После этого «братва» объявила, что всецело поддерживает пришедших к власти в столице большевиков.

Степан Шаумян – председатель Бакинского Совета народных комиссаров

В ноябре 1917 года матросы Каспийской флотилии участвовали в боевых действиях против турецких войск и отрядов мусаватистов (азербайджанских националистов), в боях по овладению городами Петровск-Порт (ныне Махачкала), Ленкорань и Дербент. В конце января 1918 года при Бакинском исполкоме была создана морская секция, а в ее состав введены 9 матросов флотилии.

Но уже в январе 1918 года каспийцы в новой власти разочаровались. Руководство Центрокаспия, стоявшее во главе флотилии, заняло умеренную позицию. Помимо большевиков Центрокаспий поддерживал контакты с лидерами бакинских меньшевиков и эсеров. В целом, с начала 1918 года Центрокаспий находился к Бакинскому Совету и к большевикам вообще, как к правительственной партии, в оппозиции откровенно анархистского толка, мало чем отличающейся от тогдашней позиции Центробалта, ЦК Черноморского флота или Целедофлота.

Рассадником антибольшевицких настроений на Каспийской флотилии являлась школа морской авиации, большинство личного состава которой состояло из офицеров и юнкеров. При этом летчики пользовались авторитетом у матросов флотилии, поэтому школа оказывала серьезное влияние на матросов флотилии. В январе 1918 года, при явном попусти-

тельстве Центрокаспия, группа офицеров и юнкеров школы и матросов береговой роты захватили склад оружия, предназначенного для вооружения местной Красной гвардии. Этот захват разбирался на совещании Исполкома Бакинского Совета. Большинство выступавших осудили поведение офицеров школы морской авиации, как направленное против интересов Советской власти, но реальных последствий ни для кого это выступление не имело.

С начала 1918 года в Баку наметилось и столкновение

интересов интернационального по составу Бакинского совета, возглавляемым соратником В. И. Ленина армянином С. Г. Шаумяном, поддержанного находившимися в городе несколькими тысячами армянских национальных войск, с мусаватистами и 1-й дивизией сформированного ранее мусульманского корпуса.

31 марта 1918 года состоялись новые выборы в руководство Центрокаспия. Всего было избрано на этот раз уже 12 матросов и офицеров: по два представителя от кораблей «Карс», «Ардаган» и «Геок-Тепе» и школы морской авиации и по одному представителю от плавучих средств, радиотелеграфа и судов «Астрабад» и «Центрокаспий». Тогда же Центрокаспий признал намерения большевиков заключить сепаратный мир с Германией преступными, и объявил, что отныне не признает Советскую власть. При этом за непризнание советской власти проголосовали на митингах подавляющее большинство матросов флотилии. Однако затем матросы несколько уменьшили пыл. Последующая волна советизации, конечно, затронула и флотилию, в чем большую роль сыграли и бакинские большевики во главе со С. Г. Шаумяном, но в целом настороженное отношение к Советской власти у матросов сохранялось. Дело в том, что местные большевики на флотилии авторитетом не пользовались, т. к. почти все являлись представителями кавказских национальностей. Матросы же, в своем подавляющем большинстве, будучи русскими, кавказцев авторитетами для себя не

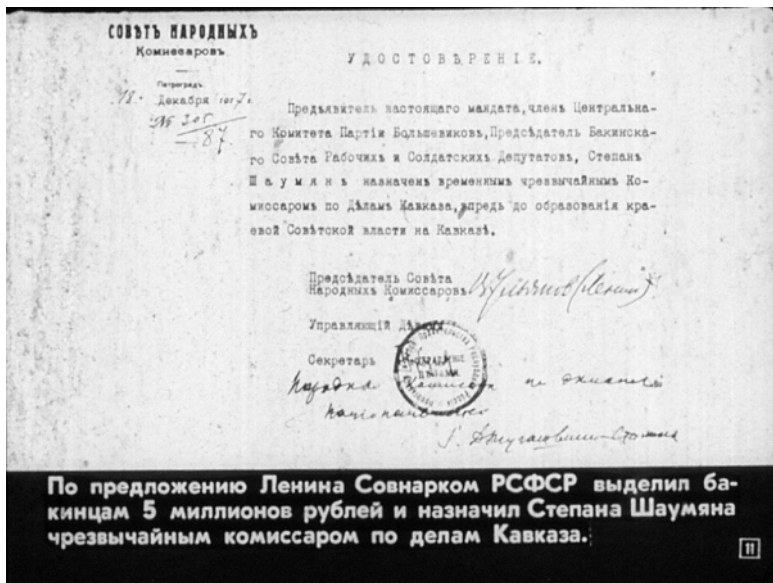
считали.

После подписания Брестского мира на Каспийской флотилии начался массовый исход домой матросов старших возрастов. По планам Наркомата по морским делам флотилия подлежала ликвидации в связи с общим процессом демобилизации. При этом первый нарком по морским делам П. Е. Дыбенко, не понимая каспийской специфики, торопился процесс ликвидации флотилии ускорить. Чтобы доукомплектовать команды, флотилия была пополнена добровольцами, большинство которых состояли бакинские обыватели, привлеченные, главным образом, обмундированием, пайком и безопасностью службы, протекавшей в гавани и у набережной Баилова мыса. Большевиков среди матросов на флотилии почти не было. Наибольшим авторитетом у матросов пользовались меньшевики и левые эсеры. Определенное влияние было и у анархистов (а куда революционным матросам без них!).

Помимо всего прочего, каспийцы находилась еще и в бедственном финансовом положении, т. к. деньги, выделенные флотилии еще Временным правительством, до адресата так и не дошли. Просьбы в Совнарком о финансовой помощи так же остались без ответа – у большевиков просто не было денег. Для того чтобы как-то жить, Центральный комитет Каспийской флотилии вынужден был продать с аукциона пароход «Генерал Куропаткин», однако вырученных денег хватило ненадолго, и Центрокаспий вынужден был прибегать к

займам у частных лиц.

В конце марта произошел т. н. «мусаватистский мятеж», сопровождавшийся кровопролитной взаимной резней армян и азербайджанцев. В советское время историки неопределенно писали, что во время погромов в Баку в марте 1918 года матросы флотилии силой оружия сами остановили резню. В реальности все было совсем иначе...

Как ни прискорбно говорить, но мятеж и резня были спровоцированы именно матросами, которые, не считаясь с на-

каленной обстановкой в городе, силой разоружили в порту несколько офицеров мусульманской «Дикой дивизии». Это вызвало волнения в дивизии и мусульманских кварталах. Представители дивизии явились в район базирования и проживания моряков Баилов, требуя вернуть оружие. Матросы отказались. Офицеры настаивали. Все еще можно было бы еще решить миром, но матросы открыли огонь из корабельных орудий по мусульманским кварталам. Одновременно помочь матросам «навести порядок» в городе решили и армянские боевики-дашнаковцы. Это и спровоцировало трехдневные погромы и уличные бои. На протяжении всех трех дней матросы вели артиллерийский огонь, как по штабу Дикой дивизии, так и по мусульманским кварталам и мечетям, в том числе и по знаменитой Девичьей башне. Согласно докладу Шаумяна в Москву, которое отвез секретарь Центрокаспия матрос В. И. Бойцов, в мартовских боях с обеих сторон участвовало более 20 тысяч человек, из которых более 3 тысяч погибло. Но и это не все – погромы перекинулись и провинцию. Всего было вырезано около 10 тысяч мусульман. Немало погибло и армян, т. к. ожесточение было взаимным. Справедливости следует отметить, что в расположении флотилии нашли свое спасение много азербайджанских женщин и детей.

Что касается Шаумяна, то он цинично оценивал результаты резни, как... «блестящие для нас». В принципе, после «победы» армян, власть большевиков и левых эсеров

в Баку действительно окрепла. Однако негативные последствия заключались в том, что мусульмане Баку полностью отвернулись от Советской власти. Теперь все симпатии азербайджанцев были на стороне продвигавшихся к Баку турок. Кроме этого мусульмане Дагестана, в отместку, перекрыли пути снабжения хлебом Баку из Кубани и Ставрополя, что сразу создало острую продовольственную проблему в городе.

Мусаватисты злостной клеветой, провокацией, подкупом разжигали национальную рознь. Они сумели поднять контрреволюционный мятеж. Для его подавления были созданы отряды Красной Гвардии.

На снимке — одна из боевых дружин. Крайний справа (сидит в первом ряду) — сын Степана Шаумяна — Сурен.

17

25 апреля 1918 года власть в Баку окончательно перешла

в руки большевиков. Был сформирован Совет Народных Комиссаров Бакинской Коммуны во главе с С. Г. Шаумяном. Нарком по военно-морским делам Бакинского Совнаркома был назначен Г. Н. Корганов (Корганян). Каспийский наркомвоенмор родился в Тифлисе, окончил Московский университет, воевал прапорщиком на Кавказском фронте, состоял в партии большевиков. С декабря 1917 года председатель ВРК Кавказской армии, с марта 1918 года член Комитета революционной обороны Баку и с апреля 1918 года нарком по военно-морским делам. Не будучи сам моряком, в военно-морских делах он разбирался слабо и авторитетом среди офицеров и матросов флотилии, разумеется, не пользовался.

В апреле 1918 года, после очередных перевыборов, в новом составе Центрокаспия из 12 членов пятеро являлись большевиками, во главе с председателем Центрокаспия матросом-большевиком А. Р. Кузьминским. Остальные семь матросов являлись левыми эсерами и анархистами.

В целом, несмотря на недовольство матросов ленинским Брестским миром с немцами, в апреле-мае 1918 года флотилия поддерживала партию большевиков. Разумеется, такая ситуация устраивала далеко и всех. И 30 мая эсерами и меньшевиками была предпринята попытка достаточно неуклю-

жая рассорить матросов с большевиками. Для этого по городу было распространено сообщение о том, что матросы флотилии собирают митинг всех воинских частей и рабочих бакинских заводов для обсуждения текущего момента и смены власти в городе. Извещение было подписано вымышленными именами председателя судового комитета, канонерской лодки «Ардаган» Аникина и секретаря комитета Игнатова, которых в составе экипажа лодки «Ардаган» не было.

Первыми возмутились этой провокацией матросы с канонерской лодки «Ардаган». В своем воззвании они поспешили заверить городскую общественность и членов Бакинской коммуны, что твердо стоят на позициях Советской власти и большевиков: «Комитет утверждает, что данные повестки являются провокационными».

Красногвардейцы вели ожесточенные бои с мусаватистами.

Ни комитет, ни команда канонерской лодки „Ардаган“ до последнего момента ничего не знали о митинге. Председателя Аникина и секретаря Игнатова на „Ардагане“ не существует. Ясно, что контрреволюционные силы вновь стараются применить прежний способ, применявшийся ими перед гражданской войной. Товарищи рабочие и красноармейцы! Не поддавайтесь хитрым уловкам контрреволюционеров. Мы, ардаганцы, стоим на страже интересов завоеваний Октябрьской революции. Пусть это подпольное шипение змеи послужит цементом для большего объединения.

Товарищи рабочие и красноармейцы, тесными рядами, рука об руку по пути Интернационала, мы, моряки, идем всегда с вами. Да здравствует социальная революция, да здравствует Бакинский Совет Народных Комиссаров, да здравствует Рабоче-крестьянское правительство! Комитет канонерской лодки „Ардаган“. Резолюцию „Ардагана“ полностью поддержали остальные корабли и суда флотилии.

Ужас азербайджанской резни вызвал у большинства матросов вполне понятное желание уйти в Астрахань, там бросить суда и разойтись по домам. Однако офицерам, считавшим, что флотилия своим уходом будет способствовать утверждению в Баку Советской власти и дальнейшему продвижению германо-турецких войск на Кавказе, все же уговорили матросов повременить с уходом.

В свою очередь, в Совнаркоме так же понимали, что только от позиции матросов будет зависеть, удержится ли Советская власть в Баку или нет. Для этого следовало попробовать переагитировать каспийцев на свою сторону, а если это не удастся, то просто расформировать флотилию и разогнать местную „братву“, от которой теперь центральной власти было больше вреда, чем пользы. При этом предполагалось, под видом объединения Астраханской и Каспийской флотилий, все боевые корабли перевести из Баку в Астрахань. С этой целью в Баку в срочном порядке были отправлены матрос Пендюрин, назначенный „особым комиссаром по ликвидации Каспийской военной флотилии“. Однако Пен-

Дюрин оказался не готов к решению серьезных вопросов. Поэтому вскоре вслед за ним в Баку с эшелоном балтийских матросов были направлены матросы-большевики В. Ф. Полухин и Э. А. Берг, являвшиеся весьма опытными организаторами и авторитетными матросскими лидерами. В. Ф. Полухин при этом был назначен главным комиссаром Каспийской флотилии, а Э. А. Берг его помощником.

Что касается особого комиссара В. Ф. Полухина, то он был из старых матросов. На Балтийский флот его призвали еще в

1907 году. После окончания класса гальванеров учебно-артиллерийского отряда, служил на крейсере „Адмирал Макаров“. В 1913 году был уволен в запас. С началом Первой мировой войны, В. Ф. Полухина снова призвали на флот. Служил на линкоре „Гангут“. В октябре 1915 года был арестован, как „неблагонадежный“ разжалован из унтер-офицеров в рядовые и переведен с Балтийского флота в команду службы связи Белого моря. В феврале 1917 года был избран моряками в Мурманский городской совет. В конце мая 1917 года В. Ф. Полухин избирается членом Центрального комитета флотилии Северного Ледовитого океана и членом Архангельского исполкома. В августе 1917 года В. Ф. Полухин был направлен в Центральный комитет Всероссийского военного флота. Входил в большевистскую секцию Центрофлота. В сентябре объезжал корабли в Ревеле и Гельсингфорсе, проверяя готовность команд к вооруженному восстанию в Петрограде. Являлся делегатом 2-го съезда Балтийского флота. В конце 1917 года командовал матросским отрядом. На 1-м Всероссийском съезде моряков военного флота был избран в законодательный совет Морского ведомства при ВЦИК. Как председатель этого совета, участвовал в совещаниях Совнаркома. В апреле 1918 года В. Ф. Полухин был назначен комиссаром особых поручений при коллегии Народного комиссариата по морским делам.

Латыш Э. А. Берг служил машинистом на линкоре „Севастополь“. С 1917 года состоял в партии большевиков, яв-

лялся организатором и руководителем большевистской организации на своем линкоре, членом Центробалта 1-го и 3-го созывов, членом Центрофлота, арестовывался Временным правительством. Во время штурма Зимнего дворца Э. А. Берг командовал отрядом матросов 2-го Балтийского флотского экипажа. Затем был избран членом военно-морского революционного комитета. В ноябре 1917 года вместе с А. Г. Железняковым и Н. А. Ховриным возглавил отряд балтийцев, посланный для установления Советской власти в Москву. Затем, являясь комиссаром штаба матросского отряда, устанавливал Советскую власть в Белгороде, Харькове и Чугуеве.

Мятеж был быстро подавлен. Шаумян в письме к Ленину описал разгром мусаватистских банд и с особой похвалой отозвался о большевике Григории Корганове — организаторе и командире красных воинских частей.

20

Оценивая биографии В. Ф. Полухина и Э. А. Берга можно сказать, что Совнарком действительно командировал на Каспийскую флотилию лучших из лучших. Прибыв в Астрахань, Полухин доносил в Петроград: „Провел слияние Астраханской и Каспийской флотилий. Ухожу с эшелоном в Баку“ Однако фактически объединить флотилии у него не получилось. Команды базировавшихся на Баку кораблей и судов, переагитированные к этому времени своими офицерами, от перехода в Астрахань наотрез отказались. Причин тому было несколько: и революционная сознательность, и

нежелание бросать на произвол судьбы местных христиан, и, наконец, наличие семей, которые не имели возможности перебраться в Астрахань.

* * *

По прибытию в Баку, В. Ф. Полухин и Э. А. Берг обнаружили, что каспийцы не желают ни перебазироваться в Астрахань, ни массово демобилизовываться. Поняв, что любые действия по насильственной демобилизации, вызовут негативную реакцию местной „братвы“, Полухин с Бергом от этой идеи сразу же отказались.

Владимир Фёдорович Полухин

Рапорт комиссара по ликвидации Каспийской военной флотилии П. М. Пендюрина в Народный комиссариат по морским делам: „Согласно признанному предрешению о ликвидации Каспийской флотилии, на что я был назначен комиссаром приказом по морскому ведомству, но по прибы-

тии на место и выяснив с представителями бакинской Советской власти положение Кавказского края, г. Баку и, в частности, положение и роль Каспийской флотилии, и обсудив вопрос с Бакинским Исполнительным комитетом Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и чрезвычайным комиссаром Кавказского края т. Шаумяном, решили: не ликвидировать флотилию, а временно оставить в ведении морского ведомства и реорганизовать, усилив боевую мощь“.

Эйжен Августович Берг

Не желая обострения отношений с матросами, изменили свою позицию и комиссары Бакинской коммуны. Из телеграммы председателя Бакинского Совета П. А. Джапаридзе в Совнарком 23 марта 1918 года: „...Принимая во внимание особые условия Кавказа, особенно города Баку, Бакинский

Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов признал расформирование Каспийского военного флота нецелесообразным. По постановлению Исполнительного комитета совместно с Центрокаспием Каспийский военный флот остается в ведении морского ведомства, политическое же руководство им остается за Исполнительным комитетом Бакинского Совета“.

спешно реорганизовать и усилить флот, что я решил из-за него задержаться здесь и уделяю ежедневно 5–6 часов времени. Без флота нам было бы почти невозможно удержаться».

Теперь и В. Ф. Полухин докладывал в центр иное: «... Благодаря существованию флотилии остается важнейшей частью Советской Российской Республики», что Советская власть в Баку «нуждается в сильной и мощной боевой единице в лице флота». Смысл телеграммы был такой – если не удалось разогнать, то следует переагитировать на свою сторону и полностью подчинить.

Разумеется, бакинские большевики прекрасно понимали, что в предстоящей борьбе с многочисленными врагами все будет зависеть в первую очередь от того, на чьей стороне окажутся матросы. Поэтому на заседании Исполкома Бакинского Совета 8 марта было принято решение о реорганизации и усилении флотилии и о передаче ее в политическом отношении в ведение Бакинского Совета. Для преобразования флотилии была создана специальная комиссия под председательством С. Г. Шаумяна. В конце марта была проведена

реорганизация Центрокаспия, избран новый состав. Центрокаспий и судовые комитеты должны были действовать в полном согласии с Исполкомом Бакинского Совета. Но из этой затеи ничего не получилось. Новый состав Центрокаспия отказался от полного подчинения большевикам и начал проводить ту же политическую линию, что и предыдущий.

Комиссаром внутренних дел и продовольствия Коммуна назначила любимца нефтяников Алешу Джапаридзе, соратника Ильича еще с III съезда РСДРП (1905 г.) в Лондоне, куда кавказские большевики посылали его своим делегатом.

24

В другой телеграмме И. В. Сталину он пишет: «Для нас настолько важно и Между тем, в связи с ухудшением военно-политической обстановки в Каспийском регионе, матро-

сы требовали от большевиков немедленного усиления своей немногочисленной флотилии. По этой причине Центрокаспий буквально засыпал Московский наркомат по военно-морским делам телеграммами с просьбами о немедленном усилении боевого состава флотилии. Телеграмма от 30 марта 1918 года: «Оперативный отдел штаба Каспийской флотилии просит Морской комиссариат, – ввиду переживаемого крайне тревожного момента и грозящих революции опасности со стороны контрреволюционных элементов в Закавказье, а также для охраны нефтяных и рыбных промыслов Каспийского моря, – усилить существующий состав Каспийской флотилии тремя миноносцами улучшенного типа „Сокол“. Кроме того, необходимо прислать новые орудия и патроны к ним, согласно прилагаемому списку (6 орудий 120-мм, 14 орудий 75-мм, 7 пулеметов, и боеприпасы к ним) – взамен частью снятых и отправленных в Черноморский флот, частью же пришедших в совершенную негодность».

В апреле 1918 года флотилия провела десантную операцию по захвату Дербента: «От канонерки „Карс“. Дербент сдался без боя. Создан временный Военно-революционный комитет из 5 лиц... Город объявлен на военном положении. Наши условия приняты. Все оружие сдается городом в особую комиссию при ВРК. Население приняло хорошо. Просим назначить комиссара. Ждем срочного распоряжения. Председатель Г. Стуруа Комиссар „Карса“ и член ВРК

Елов».

Донесение члена Коллегии Народного комиссариата по морским делам С. Е. Сакса в комиссариат по морским делам от 15 мая 1918 года: «Меры по отсылки орудий в Каспий приняты самые энергичные. Непосредственным исполнителем моих распоряжений является Полухин, который следит за всем и докладывает мне. Люди для подыскания транспортов в Астрахань отправлены из Москвы. Там они подыщут и подготовят транспорты ко времени прибытия туда орудий, что будет исполнено через 2–3 недели. Затем вооружение для „Карса“ и „Ардагана“ грузится и непосредственным по этому делу эмиссаром от меня является Терморуков. Как первый, так и второй во всех отношениях отвечают назначению и оба зачислены приказом при Коллегии чрезвычайными эмиссарами. В ближайшее время им придется выполнить еще много поручений... Сакс».

Телеграмма из комиссариата по морским делам С. Е. Саксу о принятии чрезвычайных мер для усиления Каспийской военной флотилии: «Ввиду грозной опасности, которой подвергается Баку, необходимо приложить все усилия к ускорению работ по оборудованию Каспийской флотилии. Не нужно щадить ни сил, ни средств. Вы уполномочиваетесь приглашать специалистов и вообще работников по чрезвычайным нормам. Вы обязуетесь неуклонно наблюдать за тем, чтобы работы производились с наивысшей точностью. О ходе работ докладывать ежедневно».

Телеграмма из наркомата по морским делам С. Е. Саксу от 3 июня 1918 года: «Продолжая возложенную на вас задачу вооружения Каспийской флотилии, вместе с тем предложите командованию флота в трехдневный срок разработать план перевода мелких судов из Балтики в Каспий и обяжите командование предоставить в этот срок список судов, способных совершить такой переход. Раскольников».

В начале июня руководство Бакинской коммуны предприняло шаг к созданию собственного матросского отряда, независимого от Каспийской флотилии. Из декрета Бакинского Совнаркома о мобилизации военных моряков, проживающих в Бакинской губернии и создании морского батальона: «В целях пополнения судов, береговых сооружений и учреждений КВФ и создания морского батальона исключительно из военных моряков, Центральный комитет Каспийской военной флотилии в заседании своем... постановил: Объявляется обязательная мобилизация моряков, проживающих в пределах Бакинской губернии, сроков службы с 1900 по 1917 г. Включительно. На основании чего бывшие военные моряки, матросы, чиновники и офицеры всех специальностей сроков службы 1900-1917 годов обязаны явиться в помещение бывшей флотской роты (Баилов, около военного порта) для поступления на службу в флот... Пред. Бакинского СНК и чрезвычайный комиссар по делам Кавказа С. Шаумян, Тов. Нар. Ком. По военно-морским делам Б. Шейболдаев, Тов. Нар. Ком. По морским делам П. Козлов, Пред.

Центрального комитета Каспийской флотилии А. Кузьминский». Однако из этой затеи ничего не вышло. Бакинские комиссары не учли матросской солидарности. Призванные матросы мгновенно прониклись взглядами судовых команд и уже спустя несколько дней, стало очевидным, что подчиняться Совнаркому напрямую они не намерены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.